

УДК –37.09.075.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

А.В. Гришин, В.А. Гришин

Статья посвящена изучению истории возникновения и развития системы образования в России в первой половине XVIII века. Рассматривается деятельность государства по созданию системы профессионального образования. Анализируются причины создания сословного образования в России. Развитие системы образования ставится в зависимость от государственных интересов. Изучаются взгляды на систему образования Ф. Прокоповича, В.Н. Татищева и И.Т. Посошкова. В статье делается вывод о том, что деятельность государства по созданию системы образования в первой половине XVIII века заложила основы государственной образовательной политики на долгие годы.

Ключевые слова: Система образования, профессиональное образование, школа математических и навигационных наук, сословное образование, цифирные школы, Морская академия, Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков.

На рубеже XVII – XVIII вв. необходимым становились преобразования во всех сферах жизни страны, в том числе и в образовании. Старая, древнерусская школа служила орудием церковного просвещения и давала лишь необходимый минимум знаний. Ей были чужды задачи светского профессионального образования. Прикладная наука в Московском государстве появилась в виде чисто практической заморской “хитрости” и охранители благочестивой старины строго следили, чтобы она не выходила за пределы своего практического применения. В это время возникла острая необходимость в прикладной науке во всех ее проявлениях.

В менявшихся исторических условиях России нужны были новые школы. Эти школы, возникшие в эпоху преобразований, явились зачатками, на основе которых впоследствии будет складываться государственная система народного просвещения. Кроме того, Россия нуждалась в четкой, строгой и стабильной образовательной политике, способной теоретически обосновать и практически реализовать эту систему.

В 1682 г. в проекте на учреждение Академии в Заиконоспасском монастыре впервые сделана попытка вменить в обязанность образовательным учреждениям реализацию не только церковных, но и государственных интересов. В нем светское знание и духовное просвещение были поставлены рядом, как две одинаково важные отрасли единой “мудрости-науки”: “мудростью в вещах гражданских и духовных познаваем злое и доброе”; мудрость – наука есть “царских должностей родительница и всяких благ изобретательница и совершительница”. Круг академического учения должен был обнять “науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия, учащей вещи божественных и совести очищения”, а также “учение правосудия духовнаго и мирского и прочия все свободныя науки”. Доступ в Академию предполагалось открыть лицам всех социальных слоев. За успехи в науках “люботрудные отроки” должны были получать от государя достойное вознаграждение, “а по совершении свободных учений” жаловаться “в приличные их разуму чины”. Доступ в них открывало только учение и очевидные военные и в других государственных делах заслуги [8, с. 2-3.]. Так научное образование впервые ставилось необходимым условием приобретения права на государственную службу, хотя задуманный план государственной сословной школы с полным кругом высшего светского и духовного образования и не удался.

Таким образом, накануне эпохи преобразований впервые вопрос о школе был поставлен с точки зрения государственного интереса, который еще не отделялся от интересов церкви.

Начавшаяся Северная война показала невозможность совместить в одной школе задачи общего и духовного с профессиональным, светским образованием. На первый план выдвинулись текущие потребности государственной службы, подготовка специалистов по разным отраслям этой службы, в том числе и военным.

Исследователи истории отечественного образования сходятся во мнении, что первая половина XVIII в. была эпохой господства профессионально-сословного образования. При этом возникновение профессиональных школ не было подчинено заранее выработанному плану. Развитие профессионального образования для целей государственной службы подчинялось общей последовательности государственных реформ Петра. Для начального периода реформ, когда государству приходилось решать проблемы и потребности, обусловленные войной, типичной является школа математических и навигационных наук, устроенная в 1701 г. в Москве в Сухаревой башне. В ней изучали арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию и специальные науки: навигацию - для специалистов морского дела, фортификацию, необходимую военным инженерам, астрономию, географию и землемерию. Главными предметами в ней были светские науки, а не священное писание.

Количество учащихся в школе колебалось в пределах 200 - 300 человек. Это были главным образом дети дьяков, подьячих, солдат, посадских людей, которые приходили учиться добровольно. Дворянские дети составляли небольшой процент учащихся. Это объяснялось нежеланием дворян учиться, их приходилось присылать в школы принудительно.

Московская школа математических и навигационных наук была первым реальным училищем в Европе и явилась образцом для других светских училищ, открытых в начале XVIII в., - артиллерийских, навигационных горных и так называемых “цифирных школ”. Открытая для “математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учения”, эта школа являлась своего рода политехникумом. Будучи единственным правительственным светским училищем, она должна была “выпускать молодых людей во все роды службы, военной и гражданской, которые требовали некоторых научных сведений или даже одного знания русской грамоты; из навигацкой школы выходили, кроме моряков, инженеры, артиллеристы, учителя в другия новыя школы, геодезисты, архитекторы, гражданские чиновники, писаря, мастеровые и проч.”[1, с.7]. Этот энциклопедизм лег в основу учебных планов впоследствии открытых военных училищ, затем перешел в учебный курс шляхетского кадетского корпуса, и, как отмечал граф Д.А. Толстой, “к сожалению” оставался в учебных планах вплоть до конца XIX века [9, с.21].

Позже, когда ход преобразований стал принимать более систематический характер, профессиональное образование начинает облекаться в более определенные формы. В 1715 г. на основе переведенных в Петербург морских классов этой школы открылась Морская академия - чисто профессиональная морская школа. Тогда же обособились специальные инженерная и артиллерийская школы, которые в 1703-1706 гг. существовали в виде единой школы “наук инженерской, бомбардирской и пушкарской”. В 1712-1713 гг. получила увеличенный штат московская инженерная школа, переведенная в 1719 г. в Петербург. “Артиллерийская наука” стала отдельно изучаться в 1712 г., когда генерал-майору Гинтеру было поручено обучать ей 20 молодых дворян; в 1721 г. была открыта особая артиллерийская школа в Петербурге. Целый ряд военных школ замыкался Сухопутным шляхетским корпусом, но в его учреждении в 1731 г. отразились интересы уже не только одной военной службы.

С 1715 г. предпринимаются попытки учреждения юридических школ для подготовки гражданских чиновников. Но ни “академия политики”, ни школа подьячих, ни “краткая школа для изучения гражданских и экономических дел” при Герольдмейстерской конторе не заработали. Единственным, проявившим жизнеспособность источником подготовки гражданских чиновников оказался институт коллежских юнкеров[8, с.7; 5, с.5-14].

Преобразование церковного управления вызвало к жизни новую систему духовного образования. Но, возникшие в соответствии с Духовным регламентом архиерейские школы не были чисто профессиональными; по содержанию и уровню обучения они являлись низшими общеобразовательными училищами. Настоящие профессиональные духовные школы появляются только с конца 1730-х гг. в результате проведения новой общей духовно-учебной реформы[2, с.299].

Зарождаясь под воздействием острых практических потребностей в разнохарактерные периоды реформ, первые профессиональные школы не могли слиться в единую систему и неодинаково удачно представляли собой разные отрасли профессионального образования.

Не одинаковы были и усилия правительства, направленные на развитие различных отраслей профессионального образования. Наибольшая энергия была направлена на организацию военного образования, так как необходимость создания мощной современной армии являлась одним из мощнейших побудителей к реформам. Значительно слабее оказалась попытка устройства учреждений юридического образования, поскольку для нужд новых административных учреждений оказалось возможным приспособить саму служебную практику, превратив ее в подобие школы. Наконец, позже других появляются чисто профессиональные духовные школы, так как духовная служба менее других подвергалась действию реформ и дольше могла существовать за счет старых средств.

Иногда средства профессионального образования превращались в орудие общего образования. Так, посылая в 1697 году за границу первую партию молодых аристократов, Петр велел им учиться таким специальным наукам, которые сделали бы этих молодых людей специалистами-навигаторами. Из первой командировки не вышло ни одного настоящего моряка, но молодые русские бояре познакомились с общим укладом европейской жизни, могли поразиться великим произведениям науки и искусства. Многие из них заняли впоследствии важные должности в аппарате государственного управления и стали сознательными исполнителями планов Петра. Он высоко ценил в своих работниках не только техническое мастерство, но и

самостоятельность мышления, предприимчивость. Типичный деятель петровской эпохи - не узкий специалист, достигший совершенства в своей области, но мастер на все руки, способный самостоятельно взяться за новое дело, готовый к самообразованию в любой отрасли знаний. Необходимо отметить, что профессиональное образование этого периода страдало недостатком стабильности, устойчивости, выдержанной традиции в своих задачах и содержании. В течение первых трех-четырех десятилетий XVIII века профессиональное образование претерпело эволюцию, установившую мало-помалу связь между ним и общим образованием.

Господствовавшее в начале XVIII в. образование было не просто профессиональным, но вместе с тем и сословным. Вопрос о профессиональном образовании, как одной из основ сословной организации XVIII в., был исследован М.Ф. Владимирским-Будановым, который считал, что русские сословия, дворянство и духовенство, были обязаны своим положением узаконениям о профессиональном образовании [6, с.89]. Эволюция профессиональных школ наиболее заметна в истории военных сословных школ.

Первые профессиональные школы лишь постепенно приобретали сословную замкнутость. При основании московской навигацкой школы, указом 19 ноября 1701 г. велено было принимать в нее детей дворянских, дьяческих и подьяческих, из домов боярских и других чинов. В 1708 г. в письме к адмиралу Апраксину царь приказывал учеников в математическую школу “прибавливать, как возможно, а больше из недорослей”. Именным указом следующего года повелевалось, “ради примножения ученья математики и навигации, записывать и брать в приказ морского флота для отсылки в школу, которая содержится у сретенских ворот, из недорослей дворянских детей, и дьячих, и подьяческих, а из домов боярских и из других чинов, кто пожелает; из недорослей же принимать от 12 до 20 лет”. О социальном составе можно судить по составу принятых в математическую школу в 1714 г. [8, с.11-12]. недорослей – 29, подьяческих – 6, дворового чина – 7, приказных – 9, посадских – 11, польской породы – 3, людей боярских – 11, Преображенского и Семеновского полков солдатских детей – 78, Бутырского полка солдатских детей – 13, Лефортова полка солдатских детей – 7, разных полков солдатских детей -16.

На все время своего существования Московская навигацкая школа осталась, по составу учащихся, преимущественно разночинской. Когда же из нее выделилась специальная Морская академия, то последней сразу был принят сословный аристократический характер.

Петр усиленно старался привить знатному дворянству любовь к морскому делу. Основным средством изначально стали заграничные командировки молодых бояр. С 1715 г. обучение морскому делу организовывалось в виде специальной школы в столице, где должен был сосредоточиться цвет дворянского юношества. Указом об образовании Морской академии повелевалось детей знатных особ со всей страны возрастом от 10 лет посылать в нее на учебу. В то время в России трудно было найти знатную фамилию, не предоставившую в Академию сына или ближайшего родственника. Но принудительно пристрастия к морским делам привить дворянству не удалось. Уже в 1730-х годах, число недорослей, поступавших в Морскую академию, так сильно упало, что в 1741 г. в нее “почти ни один не записался”. Окончательно сословный характер морской школы утвердился при Елизавете Петровне, когда указом 15 декабря 1752 г. петербургская Морская академия, совместно с гардемаринской ротой и морской артиллерийской школой были преобразованы в Морской шляхетский кадетский корпус [1, с.45,90, приложение III].

Пестрый сословный состав учащихся первоначально имели также и первые сухопутные военные школы, инженерная и артиллерийская. При “умножении” инженерной школы в 1712 г. в ней положено было содержать из 100-150 штатных учеников 2/3 дворянских детей. Правительство старалось набирать на инженерную специальность способных людей из разных сословий. В 1721 г. Военной коллегией был дан указ “унтер-офицерам и рядовым, драгунам и солдатам, умеющим грамоте, и которые желают впредь быть офицерами, учиться инженерству”. Что касается артиллерийской школы, то в 1703 г., в ней состояло до 300 учеников “разных чинов”. В 1716 г. было дано указание набрать для обучения артиллерии “добрых людей из низших пород”. В 1720-х годах в петербургской артиллерийской школе учились, кроме дворян, сыновья артиллеристов и арсенальных мастеровых. Именно большим количеством разночинцев можно объяснить то, что долгое время ученики этих школ выпускались унтер-офицерами и уже службой достигали офицерских званий; сыновья же артиллеристов и мастеровых (“пушкарские дети”), определялись в мастеровые же и полковые писари. Сословный чисто шляхетский характер инженерная и артиллерийская школы приняли с момента объединения в 1758 г. под руководством П.И. Шувалова [8, с.13-14].

Создававшаяся во многом стихийно система образования нуждалась прежде всего в учениках, в связи с чем необходимо выделить еще одну черту образовательной политики

петровского времени: достичь обязательность обучения как привлекательными методами, так и карательными. Ярко это проявилось в духовном просвещении. С одной стороны, учившиеся в духовных школах освобождались от подушного налога как готовящиеся к священству; с другой стороны, синодский указ 1721 г. гласил: “Ежели кто детей своих в школы для наук не объявят, ... а отцы будут их у себя держать, и оные отцы не точию каждый от своєю церкви отлучен будет, но нигде допущен служить не будет”. За укрывательство беглых из школы детей духовенство подвергалось денежным штрафам, лишению мест и телесным наказаниям. Еще в 1708 г. было установлено, что детей служителей культа, которые учиться не захотят, “в попы и в дьяконы на отцовы места и никуда не посвящать, и в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилого (т.е. солдат), принимать не велено” [4, с.132].

Значительные усилия приходилось прилагать и для светского обучения молодежи. Учрежденные в 1714 г. цифирные школы для детей всех сословий, кроме однодворцев, еще острее, чем духовные, нуждались в учениках. Родители не хотели отдавать в них детей в силу разных причин, в том числе и из-за тяжелых условий жизни и обучения. По сведениям 1727 г., в них было набрано, по желанию и по принуждению, чуть больше 2000 человек, и это притом, что уклоняющимся от обучения в этих школах, грозил запрет жениться.

Проблемой петровских школ были пропуски занятий. Причиной тому зачастую были жесткая дисциплина и наказания за ее нарушение. В духовных семинариях в бегах числилось по каждой семинарии от 20 до 60 человек, так что учебный процесс приостанавливался [7, с.448, 454].

В светских школах за проступки на учащихся налагались наказания: плети, батоги, тюремный арест, отдача в солдаты без выслуги. Виновный ученик назывался преступником и его для “вящего наказания” заковывали даже “в ножны и железа”. Лица, укрывавшие учеников гарнизонных школ подвергались тем же штрафам, что и за укрывательство беглых солдат. Кара за уклонение от учебы: денежный штраф, а в случае неуплаты - битье до тех пор, пока штраф не будет взыскан. По инструкции 1719 г. Морской академии за пропуски полагалось “бить батогами и вычитывать за каждый день втрое против получаемого жалованья”. Бежавших учеников наказывали конфискацией всего движимого имущества, что не освобождало пойманного и от телесных наказаний [4, с.138].

Государство, нуждаясь в собственных научных кадрах, предпринимает попытку создания высшего светского образования. В январе 1724 г. Петр I издает указ об учреждении Академии наук. В нем говорилось, что имеется в виду “такое здание учинить, через которое бы не только слава сего государства для размножения наук нынешним временам распространялась, но и через обучение и расположение оных польза в народ вперед была...” [3, с. 81]. Д.А. Толстой считал, что это было “самое важное по учебной части учреждение”, задуманное Петром. Он полагал возможным достигнуть сразу три цели, а именно – создание высшего научного, высшего и среднего учебного заведения в одной Академии наук (при ней предполагалось открыть университет и гимназию), дабы “таким бы образом одно здание, с малыми убытками, то же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят” [9, с. 6-7].

Первая половина XVIII в. ознаменовалась и попытками теоретически осмыслить происходящие в образовании процессы.

Преподаватель Киевско-могилянской Академии Феофан Прокопович свои педагогические взгляды изложил в книге «Духовный регламент». Выступая безусловным защитником главенства государства над церковью, он на первый план в своих проектах выдвигает государственные, светские и педагогические интересы. Феофан Прокопович проектировал духовные школы трех разрядов: академии, семинарии и элементарные училища.

Устройство академии, считал Прокопович, во многом определяется 4вчеством и количеством учителей. Необходимо проверять учителя в педагогической деятельности, экзаменовывать насколько он свободно владеет латынью и искушен в других учениях. Если на «искушениях» учитель окажется недостаточно сведущим, но сообразительным, такому велеть доучиваться. Избранные учителя должны толковать своим ученикам кратко и ясно, брать для занятий с учениками «изряднейших во всяком учении авторов».

Учебный курс академии предполагал изучение: грамматики с историей и географией; арифметики и геометрии; логики или диалектики; риторики вместе или раздельно с пением о стихосложении; физики с краткой метафизикой; краткой политики; богословия.

На первые шесть предметов полагается по году учения, на богословие — два года, итого 8 лет. Иностранные языки — латинский, греческий, преподаются в урочное время между другими предметами. Прокопович, объединяя грамматику с историей и географией считал, что при

грамматических упражнениях, при переводах с родного языка на иностранный и обратно ученики должны переводить географические и исторические книги. Географию необходимо проводить при помощи карты и глобуса. В Академии непременно должно быть «библиотеке довольной», ибо «без библиотеки, без души, академия». И учителям и ученикам нужно часто пользоваться библиотекой, учителя должны спрашивать ученика, какого автора они читали, как поняли, что из него выписали.

Семинарии устраиваются в начале при академии, а без академии - на 50 и больше учащихся; которые размещаются в отдельных зданиях, в каждом помещении по 8-9 человек. За семинаристами должен быть устроен бдительный надзор и установлен строгий режим. Первые три года учащихся не выпускали из семинарии, а потом не больше двух раз в год (не более 7 дней) к родителям или родственникам. Два часа отводилось на прогулки, полезными считались экскурсии, особенно с образовательными целями, диспуты, постановка комедий и т. П. Требования учителям и обучению те же, что и в академии. По окончании учения семинаристы дают присягу, что они готовы к службе, «до которого угоден есть и позван будет указом Государевым».

Третий разряд представляла элементарная школа, которую каждый епископ должен иметь при своем доме для детей священнических. В этой школе умный и честный учитель будет обучать детей отчетливо читать по книгам с разумением. Из школы учащиеся идут в священники.

И.Т. Посошков изложил свою педагогическую систему в сочинении, носящем название «Завещание отеческое» [4, с. 159].

Общий христианский идеал он изображает такими чертами: от всякого зла удаляйся. Каждому человеку нужно делать добро, знакомому и незнакомому, другу и недругу, миловать животных, не истреблять без толку растений, «Буди ко всем людям нисходителен».

Посошков особенно настаивает на необходимости честного посильного труда, работы неустанной, правильной, не за страх, а за совесть. Будет ли то труд простой, физический, или духовный, административный, всюду и всегда трудись во всю, честно, «всею христианскою правдою работай».

Он предлагает учить славянскому чтению, письму, грамматике, выкладке цифирной до деления, латинской грамоте и языку, или греческому, или польскому, отдавая предпочтение последнему; а потом нужно учить художеству, к какому кто способен. Особенно же полезно учить рисовать, «ко всякому бо художеству рисовальное дело присутственно и зело потребно».

Физическое воспитание должно быть поставлено совершенно просто: ни богатых, ни мягких одежд не нужно, «пищами сладостными детей своих не весьма питай, но обучай их к ядению суровых ядей, понеже суровые яди приносят человеку здравие и долголетие». От вина нужно особенно остерегать детей.

Посошков особенно заботился об образовании духовенства и о просвещении крестьянства. Духовенство необходимо хорошенько учить: во всех епархиях построить школы и в них собрать всех поповых и дьяконовых, и дьячковых, и пономарских детей от 10 до 25 лет. Нежелающих учиться – брать неволей и учить грамматике, риторике или философии, Слову Божию и церковному богослужению, истории (по летописным книгам). По воскресеньям следует устраивать диспуты на темы из Св. Писания и учителям наблюдать, кто к какому делу склонен, духовному или светскому. Нужно побольше напечатать Библий и других духовных книг, в том числе «изъявления» на разные еретические веры, чтобы наши пастыри, «все та лукаваго диавола стрелы разумели» и могли на все возразить.

Общий христианский идеал он изображает такими чертами: от всякого зла удаляйся. Каждому человеку нужно делать добро, знакомому и незнакомому, другу и недругу, миловать животных, не истреблять без толку растений, «Буди ко всем людям нисходителен».

Говоря об образовании крестьянства, И.Т. Посошков считал, что нужно, чтобы и в малой деревне не было безграмотного человека. Священники должны увещевать сельчан, чтобы они учили своих детей грамоте и всякому благонравию, а по улицам играть и без дела шататься не позволяли бы.

Развитию теории и практики педагогики послужили высказывания В.Н. Татищева.

В деле воспитания Татищев очень высоко ценил науку: сила души, свойства ума и воли нуждаются в усовершенствовании, что и совершается воспитанием и обучением. В «Разговоре о пользе науки и училищ». В.Н. Татищев высказывал убеждение в необходимости для каждого просвещенного человека познания самого себя, которое достигается с помощью науки. Познание себя (телесное и духовное) равно необходимо для нашего благополучия, а следовательно, и наука, орган такого познания, практически полезна всем.

Сущность науки заключается в ее практической полезности: «что добро и зло, т. Е. что ему

(человеку) полезно и нужно и что вредно и непотребно». Поэтому науки Татищев разделяет на нужные, полезные, щегольские или увеселяющие, любопытные, тщетные или вредные. К первым он относит: домоводство, врачество, закон Божий, умение владеть оружием, логика, богословие; полезные: письмо, грамматика, красноречие или витийство, изучение иностранных языков, история, генеалогия, география, ботаника, анатомия, физика, химия, щёгольские: стихотворство (поэзия), музыка, танцы (плясание), волтежирование, знаменование (живопись); любопытные: астрология, физиономика, хиромантия, алхимия; вредные: гадания и волшебства разного рода, некромантия («через мертвых провещание»), гидромантия (водовещание), аеромантия (воздуховещание), пиромантия (огневещание) и т. п.

Согласно таким наукам и учителя указываются тоже весьма оригинальные: «чернецы, летами не меньше 50, и офицеры суть главные учителя».

С той же узкоутилитарной точки зрения Татищев рассуждает об изучении наук и иностранных языков. Поэтому «пнеуматика» (наука о духе, психология) богословам весьма нужна, философам полезна, а историкам, политикам и другим многим «почитай, общенепотребна». Историкам и политикам география, философам математика необходимы, «но духовным до оных дел нет»; анатомия, химия и ботаника врачам нужны, а богословам, политикам, историкам не нужны. Татищев считал, что духовенству нужны еврейский, греческий, латинский языки; дворянству – французский, немецкий, некоторые восточные.

Что касается светской или научной стороны образования, то в ней самое главное – умение правильно и складно писать; затем должны следовать арифметика, немецкий язык, русская история и география, законы гражданские и воинские своего отечества.

В России учебных заведений было мало, Татищев считал, что организованы они были неудовлетворительно, учили в них плохо, учебников и учебных пособий не было. Поэтому училища необходимо было учредить по всем губерниям, провинциям и городам, но для дворян.

Татищев не против просвещения народных масс: по его мнению, крестьянских детей обоего пола, от 5 до 10 лет, нужно обучать грамоте и письму, а от 10 до 15 лет — ремеслам. Он говорит об учреждении для элементарного обучения во всех городах от 120 до 200 мужских и женских семинарий «для начинания в научении»; за ними должны следовать школы «для предуготовления к высоким наукам» и, наконец, две академии или университета, предназначенные «для произведения, в совершенство в богословии и философии, и со всеми частями», а еще «корпус кадетов» и академия наук. Образование крестьян он рассматривал как подготовку работника полезного бвмому себе и своему барину.

В «Духовной моему сыну». Татищев заявляет, что главнейшее в жизни есть вера. Для ее укрепления нужно читать Библию и катехизис, книги учителей церковных, печатные толкования десяти заповедей и блаженств (Феофана Прокоповича) и др. Таким образом, Татищев по-прежнему очерчивает довольно широкий круг религиозного образования, но, в то же время, рекомендуется немислимая в прежнее время вещь – чтение книг, излагающих учение иных вероисповеданий.

Собственно нравственная сторона воспитания затронута в «Духовной» Татищева очень мало. Говорится лишь о необходимости почтения детей к родителям.

Для педагогики первой половины XVIII в. характерно еще одно сочинение – «Юности честное зеркало». Сочинение это назначалось как руководство к житейскому обхождению. На самом деле его задачи шире: сначала это азбука, которая содержит изображение славянских букв, печатных и рукописных, с наименованием их: аз, буки, веди и т. Д., нравоучения от Св. Писания по алфавиту – на каждую букву приведено по три кратких нравоучения, цифры славянские, арабские и римские и счет до ста тысяч миллионов. В конце приводятся требования к молодым девушкам «девическая чести и добродетелей венец, состоящий в последующих двадцати добродетелях» (смирение, трудолюбие, благодарение и пр.). Ядро же книги составляют наставления о внешнем благе поведении и приличии, о том, как дети преимущественно мужского пола, должны держать себя с родителями, знакомыми за обедом, на праздниках, при дворе как отвечать на вопросы в беседе с другими, как поступать, будучи среди незнакомых людей. Наставления касаются главным образом поступков и приличий в обществе, то есть представляют собой наставления об учтивости и вежливости. Однако собственно нравственных наставлений весьма мало. Авторство данной работы до сих пор бвляется вопросом дискуссионным.

При Петре и его преемниках в России продолжалась усиленная работа по переводу разных учебников, руководств, планов учебных заведений – всего, что прямо и непосредственно было соединено с практическим делом учреждения и организации школ. Прежние школы были однообразны и уставов не требовали, так как почти все они были частными. Курс в них был

одинаковый – церковный, а учебниками служили Часослов и Псалтирь. Новые школы с новым реальным и разнообразным курсом, примененным к профессиональным потребностям, требовали составлений особых школьных уставов и учебников. Уставами владели лишь школы юго-западных церковных братств и Московская славяно-греко-латинская академия. В первой половине XVIII в. дело доходит до того, что государство начинает больше заботиться о составлении и переделке школьных уставов, чем о самих школах, школьное законодательство обгоняет своим развитием рост самих школ.

Учебников для устраиваемых школ не было, а потому их нужно было переводить с иностранных языков. Переводы иностранных книг в России были преимущественно переводами книг религиозно-нравственного и церковного содержания для самообразования. С Петра переводились уже книги реального характера — по арифметике, географии, грамматике, географии, книги по мореплаванию, артиллерии и т.п., чтобы дать учащимся учебники, по которым они могли бы учиться. Среди деятелей Петровского времени видное место по составлению учебников занимает Феофан Прокопович. Он был преподавателем в Киевской академии, а потом завел в Санкт-Петербурге свою школу по образцу польских и иезуитских школ. Он составил довольно много всяких руководств, но самое распространенное его произведение, изучавшееся во всех школах, было «Первое учение отроком, в немже буквы и слоги. Также краткое толкование Законнаго Десятословия, Молитвы Господней, Символа Веры, и девяти Блаженств». В предисловии автор разъяснял родителям, воспитателям и всем читателям некоторые общие вопросы относительно обучения детей. Широким распространением пользовалось и произведение Магницкого «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык переведенная, и воедино собрана, и на две книги, разделена». Эта книга заключала в себе не только арифметику, но и другие части математики.

Подводя итог, необходимо отметить, что первая половина XVIII в. ознаменовалась началом формирования государственной образовательной политики в России. Она отличалась нестабильностью, непоследовательностью и подверженностью влиянию множества факторов. Однако ряд черт, которые проявились наиболее отчетливо, сохранялись в образовательной политике в течение ряда лет.

Во-первых, в условиях отсутствия широкой школьной образовательной базы и вследствие срочной государственной нужды в специалистах разного профиля единственно верным выходом было создание в первую очередь системы профессионального образования.

Характерной чертой этого периода времени была всеобщность образования, однако уже закладывались основы будущих чисто дворянских учебных заведений. Хотя образование становится доступным, население не стремится отдавать своих детей в обучение, что приводит к необходимости сделать получение образования обязательным. Это направление определило вектор развития отечественной системы образования на десятилетия вперед.

Не менее характерным для России явлением стала попытка создания научного центра и высшего учебного заведения в условиях, совершенно к тому не располагавших. Этим заявлялось о намерении не отставать в области развития науки и образования от европейских стран, делалась заявка если не на лидерство, то на равенство в области просвещения с последними в будущем.

Таким образом, становится очевидным, что теория и практика педагогической деятельности в первой половине XVIII в. объективно стимулировала развитие образования в нашей стране, заложили основы для формирования ее системы и определили начала государственной образовательной политики.

The article deals with the history of foundation and development of the education system in Russia in the first half of XVIII century. The state activity in creating of professional education is considered. The reasons behind creating all-estate education system in Russia are studied. The development of education system is considered depending on state interests. Points of view on education system of F. Procopovitch, V.N. Tatischev and I.T. Pososhkov are under analysis. The article concludes that the state activity in creating the education system in the first half of the XVIII century laid the foundations of the state educational policy for many years.

The key words: *the Education System, Professional Education, School of Mathematical Sciences and Navigation, Estate Education, Arithmetic Schools, Naval Academy, F. Procopovitch, V.N. Tatischev, I.T. Pososhkov.*

Список литературы

1. Веселаго Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. Спб, 1852. С.7.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Государство и народное образование в России XVIII века. Ч.1.-Ярославль, 1874. С.299.
3. См.: Горев В.К. Развитие образования в начале XVIII века. Образовательные реформы Петра Великого / История отечественного образования (IX-XIX вв.). М., 2003.С. 81.

4. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Спб, 2004. С.132.
5. Лаппо-Данилевский А. Собрание и свод законов Российской Империи, составленный в царствование императрицы Екатерины II. Спб, 1898. С.5-14.
6. См.: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. С.89.
7. См.: Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. Т.1. Спб., 1862. С. 448, 454.
8. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. Т.1. Спб, 1912. С. 2-3.
9. Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. Спб, 1883. С.21.

Об авторах

Гришин А.В. – кандидат исторических наук, доцент Брянского филиала ВЗФЭИ

Гришин В.А. – кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского